

WöD

Grafikkabinett

Анна Андржиевская и Ася Маракулина

Каталог работ

«Это не я»

**Западно-
восточный
диван**

кабинет графики

THE WEST-EASTERN DIVAN in St. Petersburg

In the countries of the Middle East, the word “divan” originally meant “account book” or “register”, but, over time, it came to denote state “chancelleries”, high-ranking “councils” or “offices”, which, in turn, provided the name for the furniture characteristic of such establishments. Collections of lyrical verses were also called “divans” (for example, The Divan of Hafez, a collection of verses by the celebrated Persian poet). In Europe, the word “divan”, in the sense of an object of interior design, came into general use at the beginning of the 18th century. The literary meaning of the word became known only a century later. Goethe’s collection The West-Eastern Divan, one of the first attempts to bring together Eastern and Western poetic traditions, was instrumental in the appearance of this meaning. (Our logo, WöD is an abbreviation of the original German title, West-östlicher Diwan, and it is used by literary scholars.) Different fragments of this collection had already been translated into Russian by the 1820s, but it took until 1988 for a rather complete edition of this work, including poetry and prose sections along with scholarly commentary, to come out. It would seem that this event resonated with St. Petersburg’s art world. In April of 1993, for example, a landmark exhibition, The West-Eastern Divan, mounted by artist Timur Novikov, curator and art critic Ivan Chechot and the Navicula Artis Gallery, opened at the Nikolaevsky Palace (the Palace of Labour during Soviet times). A year later, poet Dmitry Golynko-Wolfson organized a series of similarly-titled cultural events in artists’ apartments and at the Borey Art Gallery.

WöD is a combination sanctum for art lovers and bar – here you will find works on paper and photographs by contemporary artists on sale, collections of books, fresh brewed coffee, light meals, wine, and more...

ЗАПАДНО-ВОСТОЧНЫЙ ДИВАН в Петербурге

Слово «диван» в странах Ближнего и Среднего Востока сперва означало «счетную книгу», «список», но со временем стало употребляться применительно к государственным «канцеляриям», высокопоставленным «советам», «кабине-там», что в свою очередь дало наименование мебели, характерной для этих учреждений. «Диванами» также называли сборники лирических стихотворений (см., например, «Диван» прославленного персидского поэта Хафиза). В Европе слово «диван» в значении предмета интерьера вошло в обиход в начале XVIII века. Литературный же смысл слова становится известен только столетием позже. Важную роль в этом, очевидно, сыграл сборник Гёте «Западно-восточный диван» (1819), оказавшийся одной из первых попыток синтезировать восточную и западную поэтические традиции. (Наш логотип WöD — аббревиатура оригинального названия сборника, West-östlicher Diwan, которой пользуются литературоведы.) Отдельные фрагменты сборника переводились на русский язык уже начиная с 1820-х, но самое полное русскоязычное издание произведения, с поэтической и прозаической частями и научным комментарием, увидело свет только в 1988 году. Судя по всему, это событие нашло отклик и в петербургском художественном мире. Так, в апреле 1993-го в Николаевском дворце (в советское время — Дворец Труда) открылась знаковая выставка «Западно-восточный диван» художника Тимура Новикова, куратора-искусствоведа Ивана Чечота и галереи Navicula Artis. Спустя год поэт Дмитрий Голыно-Вольфсон провел серию одноименных художественно-поэтических акций на квартирах художников и в галерее «Борей»...

WöD сочетает в себе черты кабинета ценителя искусств и бара: здесь продаются графика и фотографии, выполненные современными художниками, составляются сборники для чтения, варится кофе, предлагаются легкие блюда, вино и пр.

Анна Андржиевская и Ася Маракулина

«Это не я»

Смешанные техника и авторство

2020

Года два тому назад Анна и Ася поделили между собой 30 листов акварельной бумаги и договорились обмениваться собственными графическими набросками, с тем чтобы «продолжать» и «доделывать» их друг за другом. Примерно раз в несколько месяцев художницы встречались в своих мастерских и решали, какие листы готовы, а какими снова нужно обменяться. Не имея возможности видаться чаще, они задумали этот эксперимент в качестве способа дистанционно поддерживать дружескую связь, а заодно обыграть тот факт, что графику Ани порой путали с графикой Аси и наоборот. Были сомнения, что вся эта затея вообще осуществится, но совместная графическая серия в результате завершилась. В итоговой серии — 30 листов, 17 из которых вошли в данный выпуск. Летом 2020 года куратор кабинета графики WöD Андрей Шабанов взял интервью у каждой художницы по отдельности. Независимо друг от друга они вспоминают и интерпретируют этот продолжительный творческий эксперимент — про доверие, логику художественного мышления, свойства памяти, общность биографий, совместность и совместимость, случайность и закономерность, авторство и влияния, неизбежные графические коллизии и разные аспекты дружбы.

А. Ш.

АННА АНДРЖИЕВСКАЯ

Живет и работает в Санкт-Петербурге

ПРО АРТЕ, «Школа молодого художника» (2012–2013); Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А. Л. Штиглица (2008–2014). Участник группы «Север-7».

Анна Андржиевская: Я подумала: «Боже, Ася, как ты так могла, как будто специально» (смеется). Мне тот лист очень понравился, казался удачным, хотя я уже сейчас точно не помню, что на нем было изображено. Я отдала его доделывать Асе. Через какое-то время мы встречаемся, смотрим вместе листы, которыми обменялись. Я тогда вымолвила что-то типа «э...», а Ася: «Да, извини, я там испортила, прости» (смеется).

Андрей Шабанов: Как вообще возникла идея?

А. А.: Мы давно хотели сделать что-то вместе, поскольку очень долго знаем друг друга. Мы учились в одной изостудии в Перми, где и подружились. У меня с мамой в детстве была игра: сначала один рисует какой-то непонятный элемент, затем другой должен был его продолжить, потом снова меняемся и т. д., в результате что-то получалось. Мы решили использовать этот принцип в нашем с Асей проекте. Но важным, ключевым импульсом все же было то, что наши графические работы часто путали.

А. Ш.: Это буквально то, что произошло со мной: на очередной «северной» ярмарке, заинтересовавшись, как потом выяснилось, твоей работой, я стал искать глазами Асю.

А. А.: Да, еще были похожие случаи с Гисич и PERMM. Короче, мы с Асей тогда в одного человека слились (смеется). Вообще, по поводу сравнения нас: эта история хорошо показала нам, что мы очень по-разному работаем, у нас разные сюжеты, логики. Здесь, наверное, еще важно то, что ты со мной познакомился уже после того, как познакомился с Асей. Меня не только с Асей сравнивали, а и, например, с Иваном Горшковым или с Владом Кульковым. И даже не важно, насколько это уместное сравнение — часто совсем неожиданное. Мне кажется, у людей такая особенность психики: когда они что-то новое видят, то сразу ищут, на что это похоже из того, что им уже известно, знакомо.

А. Ш.: Как технически начался процесс? Как договорились о формате?

А. А.: Возможно, прошлой весной или летом, я уже даже не помню, мы вместе сходили в магазин, выбрали акварельную бумагу Canson, разрежали листы пополам и разделили их между собой поровну. Мне кажется, что в общей сложности мы поменялись листами четыре или пять раз, но с промежутком в несколько месяцев. Мне в этом проекте очень нравилось то, что обычно все сопровождается какими-то дедлайнами, а тут мы могли совершенно об этом не думать, работать совсем без сроков, на результат, до тех пор, пока обе не будем довольны.

А. Ш.: Тот испорченный лист — это был единственный случай, когда возникло напряжение? Вы договорились заранее о том, как действовать в таких ситуациях, о некой системе сигналов?

А. А.: Нет, ни о чем не договаривались. И, пожалуй, да, это был единственный случай напряжения. Это произошло уже после ряда получившихся работ и было скорее исключением. Мы из-за этого не поссорились, конечно, но я расстроилась. Вообще, я обычно шла по пути упрощения, а Ася — большая перфекционистка. Я быстрее хотела отпустить листы, идти по пути наименьшего сопротивления, но Ася была упорнее. Мне часто казалось, что вот уже готово, а Ася настаивала на продолжении. В мастерской мы раскладывали работы и обсуждали, решали, кто и что хотел продолжить, кто и какие работы возьмет, какие уже закончены, кто с какой работой застрял и т. п. В определенный момент все совсем запуталось, и я сейчас уже не всегда могу понять и вспомнить, где и чья рука, кто последним доделывал рисунок.

А. Ш.: Была какая-то предварительная договоренность по материалам? Что не могло, например, использоваться ничего тяжелее гуаши...

А. А.: Нет, ничего такого не было. Тут даже где-то есть битумный лак.

А. Ш.: Этот опыт дал тебе что-то как художнице, для твоей творческой практики? Возможно, ты вдруг на себя со стороны посмотрела? Это вообще такой необычный челлендж, надо настолько доверять друг другу...

А. А.: Что-то подобное есть в «Север-7». Поэтому, мне кажется, для меня это был знакомый опыт. В «Север-7» тоже довольно много работ доделывалось другими.

А. Ш.: А как это происходило? Как это вообще возможно?

А. А.: Каждый делал свои произведения в мастерской, а во время монтажа все уже могли включаться в работу других. Скажем, однажды Саша Цикаришвили отрезал от костюма, который я сшила, кусок и прилепил к своей бабке. А я в одной его работе перерисовала лицо (смеется). Такого рода вещи стали нормой на монтаже «северных» выставок. Иногда, впрочем, это могло довольно агрессивно происходить. А так, скажем, Вадик Михайлов с Тоней Фатхуллиной могут вместе делать работу. Ну, или Саша может нарисовать на какой-нибудь деревяшке Нестора, а Петя [Дьяков] туда еще какую-то штуку приделывает.

А. Ш.: Есть ли художники, с которыми у тебя мог бы получиться схожий опыт длительной визуальной коммуникации?

А. А.: Нет, потому что этот проект скорее про дружбу. Мы очень щепетильно подходили к этой серии. Держали ее в секрете, никому не показывали. Хотели сделать выставку, ревностно выбирали место.

Беседа состоялась 8 июля 2020 года в мастерской художницы на Промышленной улице.

АСЯ МАРАКУЛИНА

Живет и работает в Петербурге

Санкт-Петербургский государственный университет, факультет искусств (2015); ПРО АРТЕ, «Школа молодого художника» (2015).

Ася Маракулина: Мы не всегда поровну менялись листами. Мы их обычно раскладываем, я смотрю на то, что у Ани получилось, и говорю, что вот на этом хочу что-то доделать, и Аня совершает то же самое с моими работами.

Андрей Шабанов: Сколько раз вы уже обменялись работами? Как начался проект? Что послужило триггером?

А. М.: Да, много. Мы уже запутались, поскольку между обменом еще проходит довольно много времени — последний раз мы менялись листами в феврале, а сейчас уже июль. А как началось это, я вот пытаюсь вспомнить. Мне кажется, что это уже около двух лет продолжается. По моим воспоминаниям, это была моя инициатива. Мы дружим с Аней с 15 лет. Периодически мы снимали вместе мастерскую, и мне очень нравилось, что мы каждый день общались. Сначала мы снимали мастерскую вдвоем с Петей Павленским, который был одноклассником Ани в «Мухе» на живописи. Потом снимали вдвоем на «Красном треугольнике» и в каких-то других местах. В общем, у нас был этот опыт продолжительной совместной работы, было единое пространство, мы много, интенсивно общались. А потом мы как-то разошлись по своим мастерским. У нас, наверное, схожий психотип: для нас окей ежедневно интенсивно общаться вместе, но если нет какой-то такой регулярности, то мы можем очень надолго пропадать, и для нас также окей большие паузы в общении. Мне кажется, у меня возникло желание, чтобы у нас был какой-то повод встречаться почаще, чтобы у нас было какое-то совместное дело, поскольку мы очень легко существуем автономно и теряем связь. Но я не думала об этом как о проекте, а скорее хотелось некой игры в подмигивания и чтобы при этом оставаться в своем автономном режиме.

И еще потому, что по-человечески и по-художнически мы будто немного друг другу завидуем в каких-то моментах. Если созваниваемся, то я, например, все время что-нибудь выспрашиваю у Ани про ее успехи, чтобы как-то тайно позавидовать и чтобы это меня подстегнуло от Ани не отставать. То есть помимо дружбы у нас еще есть какая-то дружеская конкуренция, но она не болезненная, а забавная. В этих листах мы тоже словно бы конкурируем, играючи. Наконец, важно, что на протяжении определенного периода времени нашу графику часто сравнивали. Сейчас мы становимся довольно разными, но в какой-то момент наши работы действительно были похожи, было много общего, что довольно понятно: мы вместе росли, развивались. Кстати, еще с одной моей близкой подругой мы ведем переписку — старомодно, посредством обычной почты. То есть у меня есть две близкие подруги, с которыми я поддерживаю коммуникацию в разных медиа. С Аней мне хотелось поддерживать какой-то диалог средствами, которыми мы в равной степени располагаем, и поиграть с тем, что нас сравнивают. Ну раз сравнивают, давай их всех запутаем вообще. Мне и себя было интересно запутать: про какие-то элементы я точно помню, что это я, а про какие-то уже не могу сказать.

А. Ш.: А как Аня отреагировала на твою идею?

А. М.: Аня обычно на всё сначала реагирует скептически. Но если она и сопротивлялась, то недолго (смеется). Мне хотелось коммуникации, оставлять ей какие-то послания, которые я намеревалась говорить не напрямую, а обходным путем. Тут есть всякие фразочки, абракадабра.

А. Ш.: Как все было организовано технически?

А. М.: Мы вместе пошли в магазин, купили 30 листов бумаги, разрезали напополам, и каждому досталось по 15. Формат листа выбран самый обычный, конвенциональный. О сроках предварительно не договаривались. Периодически я или Аня спрашивали о готовности поменяться. Сначала мы обменивались работами без совместного просмотра и обсуждения. В этом был элемент сюрприза. Но потом стали встречаться либо у нее, либо у меня в мастерской, раскладывать листы и обсуждать наши дальнейшие шаги. Однако мне в какой-то момент хотелось вернуться к изначальному обмену без обсуждения, чтобы это все не превращалось в совместную работу, принятие решений за двоих.

А. Ш.: А при таком сценарии как бы вы понимали, что закончили тот или иной лист? Это же можно решить только совместно?

А. М.: Да, так и происходило, мы вместе решали, что тот или иной лист закончен. Законченные листы постепенно выходили из игры и оставались у одной из нас.

А. Ш.: А были ситуации, когда тебе не нравилось, куда эволюционировала работа, или даже казалось, что лист испорчен? Были конфликтные ситуации?

А. М.: Каждый начинал так, словно он делает что-то свое. Это как игра в слова: один начинает, говорит первую букву/слово, другой продолжает. О да, у меня бывало сожаление, что лист пошел не в ту сторону, но я уже не могла ничего с этим поделать. Однако могло быть и наоборот: хм, это интересно, я бы так не додумалась сделать! Вообще, я уже не раз говорила Ане, что меня восхищает в ее рисунках неожиданность. Мне кажется, мои рисунки очень предсказуемые, в них мало какой-то импровизации, что ли. Но возможно, это мне изнутри так кажется, что у меня всё очень понятно, и мне нравилось, что я никогда не знаю, как поведет себя рисунок после нее. Мне хотелось поучиться у нее этому. Хотя она говорит, что она очень многое у меня взяла. Взяла, но повела своим путем, и потому я этого не ощущаю. Короче, очень часто ее неожиданность спасала лист, однако иногда какие-то ее решения, активные или топорные, меня прямо раздражали: блин, зачем она это сделала! (Смеется.) Еще я иногда расстраивалась, если мне казалось, что Аня недостаточно серьезно к этому относится и делает, лишь бы отвязаться.

А. Ш.: Ты это негодование всегда в себе держала, ничего не говорила?

А. М.: Мне кажется, мы негласно решили, что не обсуждаем эти элементы, никак друг друга не критикуем.

А. Ш.: Я думаю, это помогло завершиться проекту.

А. М.: Да, верно. Мне иногда казалось, что я считывала, с каким настроением она это делала. Я вижу, что этот лист уже не сложился, стал совсем дурацкий, раздраженная, я добавила это пятно, как бы усугубила ситуацию, испортила лист окончательно.

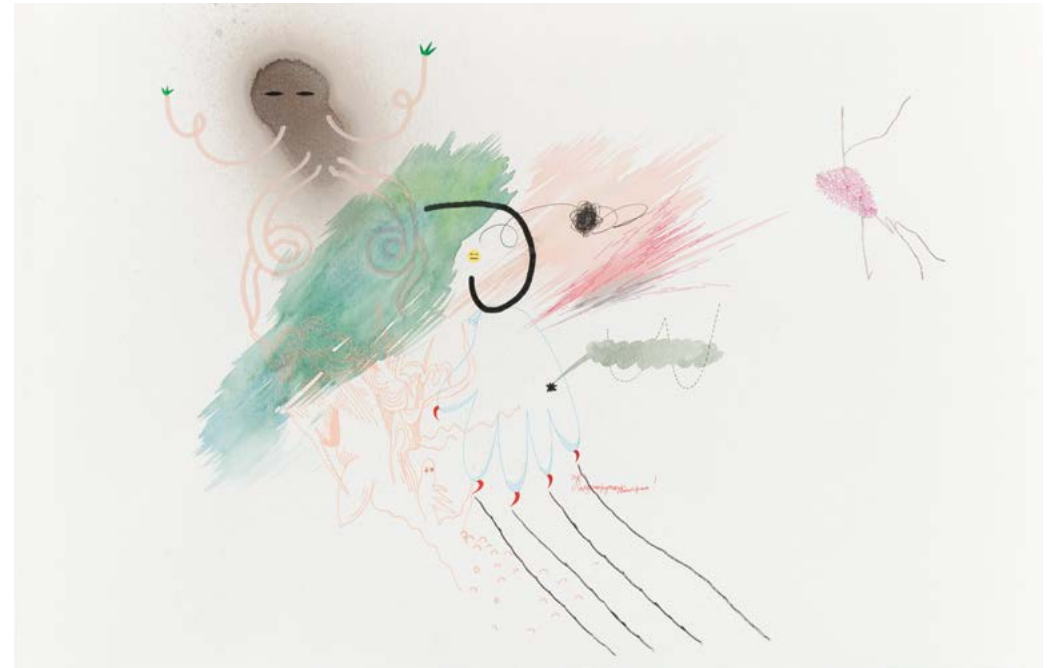
А. Ш.: Есть ощущение, что проект тебе что-то дал? Что-то, чего до него не было?

А. М.: Мне кажется, он очень хорошо визуализирует нашу коммуникацию, что она прерывистая, содержит в себе одновременно какое-то понимание и наши претензии друг к другу, с уходами в полное молчание, но мы остаемся друзьями уже многие годы. Мне хотелось сделать что-то совместно. Я в определенном плане такой задрот, перфекционист, а она как-то позволяет себе расслабиться. Она что-нибудь бесшабашно намажет, а я прожилочки нарисую (смеется). Увидела, в чем мы разные и как дополняем друг друга. Да, у нас разные энергии. Я предполагала, что возможен конфликт и, чтобы не поссориться, мы просто в какой-то момент забудем на это, не закончим. Но мы выбрали такой формат, который ни к чему не обязывает: листы могли лежать годами, к ним всегда можно было возвращаться, у нас не было никаких дедлайнов.

А. Ш.: Есть ли другие художники, с которыми у тебя мог бы получиться схожий опыт длительной и доверительной визуальной коммуникации? Или это все-таки уникальная, индивидуальная история?

А. М.: Да, это скорее про дружбу, про какой-то эксперимент внутри нашей дружбы.

Беседа состоялась 8 июля 2020 года в мастерской художницы на Суворовском проспекте.

AA_AM 1

Сломанный язык

2020

Акварель, маркеры, цветные
гелевые ручки, цветной
карандаш, акриловый спрей

32,5 × 50 см

AA_AM 2

Молочный зуб

2020

Акварель, акрил, маркеры,
цветные гелевые ручки,
цветной карандаш, простой
карандаш

32,5 × 50 см

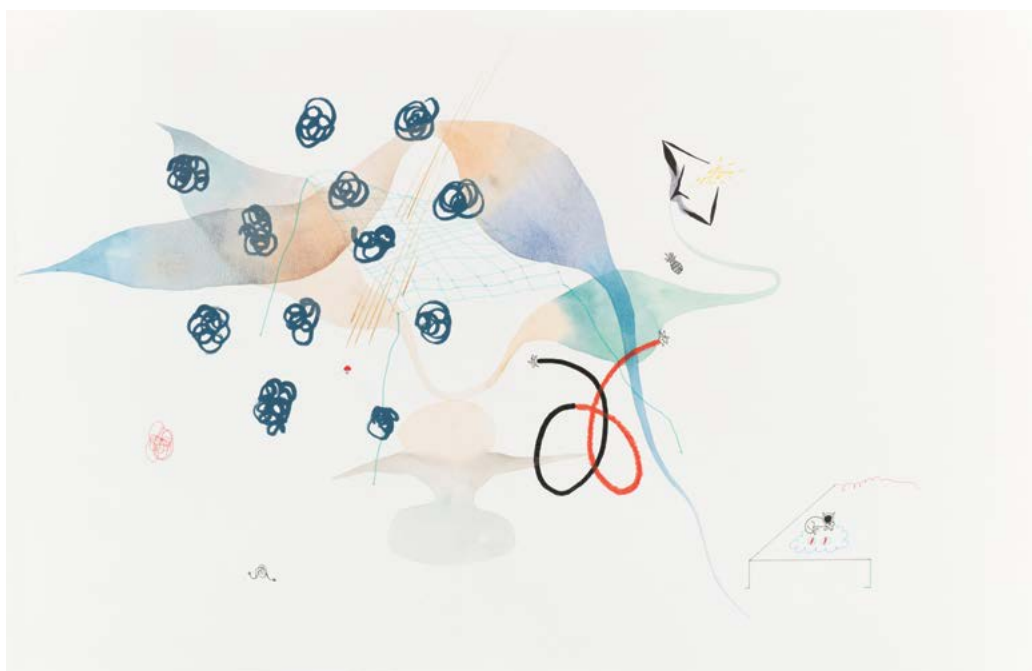
AA_AM 3

Не уходи

2020

Акварель, тушь, маркеры,
цветные карандаши, цветные
гелевые ручки, аппликация,
акриловый спрей, простой
карандаш

32,5 × 50 см

AA_AM 4

Котик без лица

2020

Акварель, цветные гелевые ручки, маркеры, цветной карандаш

32,5 × 50 см

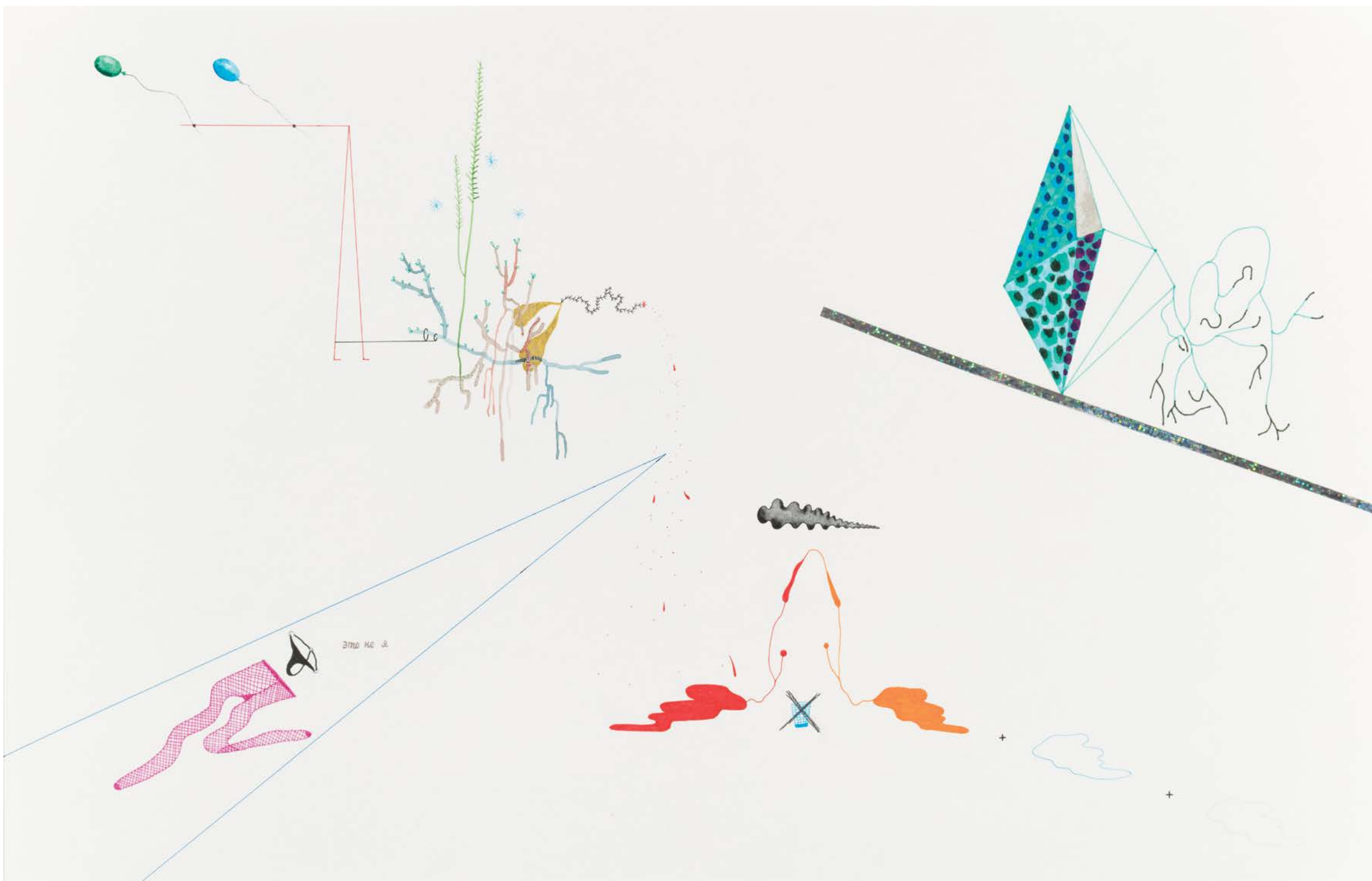
AA_AM 5

Солнышко

2020

Акварель, акрил, цветные гелевые ручки, маркер, простой карандаш

32,5 × 50 см

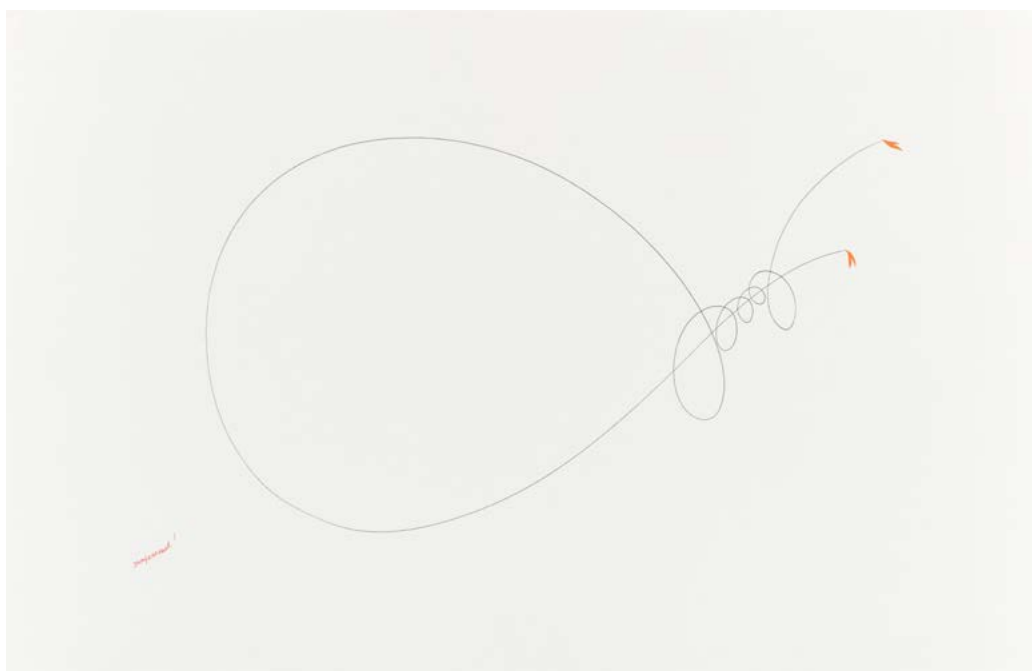
AA_AM 6

Это не я

2020

Акварель, цветные гелевые ручки, маркеры, аппликация, простой карандаш

32,5 × 50 см

AA_AM 7
Хитренькая
2020
Гелевые ручки
32,5 × 50 см

AA_AM 8
На этюды
2020
Акварель, акрил, цветные
гелевые ручки, простой
карандаш
32,5 × 50 см

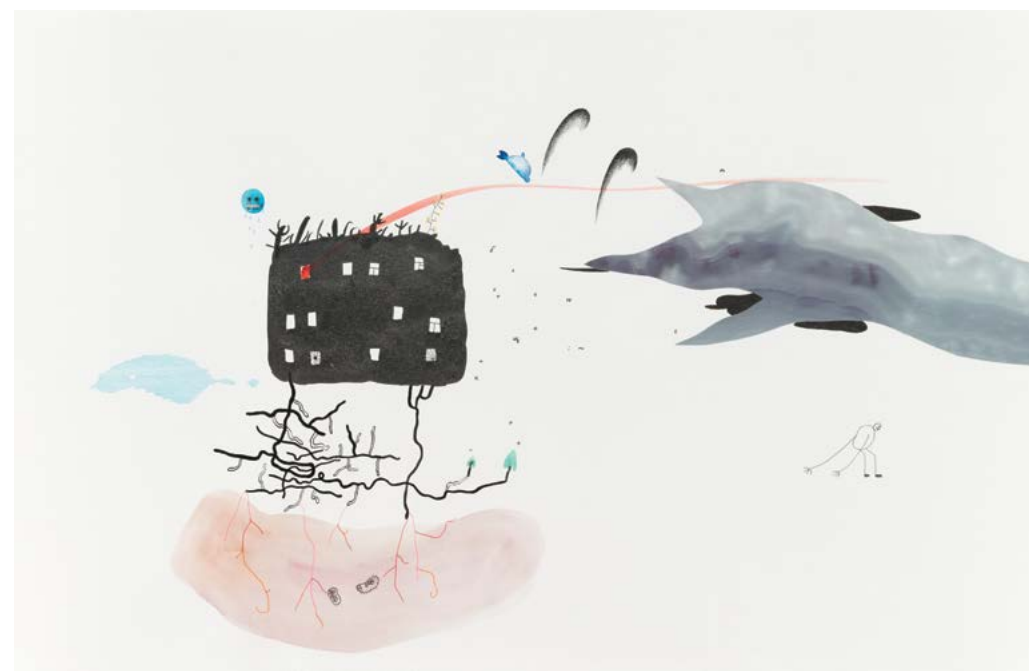
AA_AM 9

Корень имбиря

2020

Акварель, простой карандаш,
спрей, акрил

32,5 × 50 см

AA_AM 10

Дорога в школу

2020

Акварель, простой карандаш,
самоклеющаяся бумага,
гелевые ручки

32,5 × 50 см

AA_AM 11

Ребус

2020

Акварель, простой
карандаш, гелевые ручки,
самоклеющаяся бумага

32,5 × 50 см

AA_AM 12

Прямо в глаз

2020

Акварель, простой карандаш,
гелевые ручки, линер

32,5 × 50 см

AA_AM 13

После уроков

2020

Акварель, простой карандаш,
гелевые ручки

32,5 × 50 см

AA_AM 14

Алло – алло

2020

Акварель, простой карандаш,
маркер, гелевые ручки

32,5 × 50 см

AA_AM 15

Будь здорова!

2020

Акварель, простой карандаш,
спрей, цветные карандаши,
гелевые ручки

32,5 × 50 см

AA_AM 16

Как хочешь

2020

Акварель, простой карандаш,
гелевые ручки, спрей,
сангина, цветная бумага,
обрезок фотографии

32,5 × 50 см

AA_AM 17

Темная

2020

Акварель, простой карандаш,
спрей, коллаж, гелевые
ручки, маркеры

32,5 × 50 см

Над выпуском работали: Андрей Шабанов,
Фёдор Вечерковский, Полина Ермакова, Андрей Бауман
и Мария Батурина.

The following people worked on this publication:
Andrey Shabanov, Fedor Veчерkovsky, Polina Ermakova,
Andrey Bauman and Maria Baturina.

Translation: Larry Schwink

